

РОМАН Л. РУБЛЕВСКОЙ «ДАГЕРРОТИП» : ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Я. А. Алексеенко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Alexeenko_1999@mail.ru;

науч. рук. – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доц.

Роман современной белорусской писательницы Л. Рублевской «Дагерротип» является продолжением национальной литературной традиции (прежде всего, заметно влияние прозы В. Короткевича), в то же время он органично вписывается в рамки мирового литературного процесса. В романе присутствуют черты исторического, социально-философского и готического романов, элементы литературы *young adult*, объединенные авторским определением «декадансны раман», что позволяет говорить о жанровом синтезе как об одной из особенностей творчества Л. Рублевской. Среди центральных проблемно-тематических полей, затрагиваемых в произведении, можно выделить следующие : 1) белорусское национальное прошлое и его связь с настоящим; 2) положение белорусского языка в исторической перспективе и в современном обществе; 3) специфика формирования национальной идентичности и национального характера белорусов. Кроме того, писательница затрагивает вопросы сохранения историко-культурных ценностей и касается темы женской идентичности и сексуальности. Роман «Дагерротип» пронизан отсылками к мировому литературному канону.

Ключевые слова : Л. Рублевская; жанровый синкретизм; декадансный роман; готический роман; исторический роман; национальная идентичность; национальное прошлое.

Лариса Рублевская (р. 1965) – современная белорусская писательница, поэтесса и драматург, известный литературный критик, журналист и публицист. Широкому кругу читателей она известна в качестве автора многочисленных исторических романов, а также ряда произведений, относящихся к литературе фэнтези и *young adult*. В данный момент большой популярностью пользуется серия приключенческих романов «Авантюры Пранціша Вырвіча», состоящая из семи книг (2012–2022). Л. Олейник в статье «Художественная литература как фактор инкультурации» характеризует творчество белорусской писательницы следующим образом: «Белорусская писательница Людмила Рублевская ориентируется в своем творчестве, прежде всего, на юношескую читательскую аудиторию. Об этом свидетельствует последовательность автора в объяснении и аргументировании этических оценок, выразительное присутствие в каждом произведении героя-идеала, стремление к остросюжетности, драматической напряженности и динамичности в показе событий. Проза Л. Рублевской отличается достаточно широким проблемно-тематическим диапазоном, жанрово-стилевым разнообразием, новаторскими поисками, экспериментальностью» [2, с. 135]. При этом

писательницу, в первую очередь, интересует национальное прошлое и его связь с современностью. Роман «Дагерротип» (Дагератын, 2017) не является исключением.

Роман состоит из трех частей. Действие первой, озаглавленной «Книга внешнего круга», разворачивается в современном Минске. Герои – молодые люди, студентка журфака Симка, от лица которой ведется повествование, и биолог Гальяш (белорусский вариант имени Илья – деталь отнюдь не случайная), которые познакомились во время празднования дня рождения одного из их общих знакомых. Обстоятельства складываются так, что они снова встречаются: девушке нужна съемная квартира, а парень как раз собирается уезжать за границу и предлагает свое жилье. Оказывается, что стеснительная Серафима испытывает к молодому человеку романтические чувства, которые он поначалу не разделяет, так как у него есть девушка. На первый взгляд, перед нами начало романа в жанре young adult. В нем изображены молодые люди с характерными для них переживаниями, помещенные в соответствующий контекст. Первая книга наполнена многочисленными деталями, отсылающими к моде, массовой культуре и современным технологиям. Более того, передаются особенности речи молодежи: «Блін, толькі не дрыжэць... Не чырванець, не пацець, не зглытваць сліну і не адводзіць вочы, як гімназістка! А сэрца пад акампанемент званка ўсё прыспешвалася... Баязліўка, закаханая дурында» [4, с. 8]. Во время уборки и сбора вещей Симка и Гальяш находят старинную фотографию молодой девушки и ее дневник, датированный 1893-м годом. Они выясняют, что на дагерротипе изображена (по всей вероятности) прабабушка героя, Богуслава. Прочитав записи, молодые люди устанавливают, что Гальяш – представитель древнего шляхетского рода, потомок графа Симона Когонецкого. Симка и Гальяш решают поехать в Энгельсовку, расположенную недалеко от города Б* (он неоднократно появляется в творчестве белорусской писательницы), в котором выросла девушка, и отыскать родовое поместье.

Так, первая часть оказывается сюжетной рамкой, прологом ко второй главе романа «Дагерротип» – «Книге внутреннего круга». В этой части повествование ведется от третьего лица. В ней описываются события конца XIX века, предреволюционного периода, которые нашли отражение в найденном дневнике; упоминаются такие исторические личности, как геолог И. Домейко (1802–1889), поэт и этнограф А. Янушкевич (1803–1857), поэт Александр Рыпинский (1809–1886), этнограф и фольклорист П. Шейн (1826–1900), поэт и революционер-демократ К. Калиновский (1838–1864), поэт Ф. Богушевич (1840–1900) и др. Происходит сдвиг жанровой парадигмы в сторону исторического романа. Однако такое определение нельзя назвать исчерпывающим. Сама Л. Рублевская назвала произведение декадансным романом. Прежде всего, это может быть обусловлено временем действия. В «Литературной энциклопедии» под

редакцией А. Николюкина дается следующее определение термину декаданс: «ДЕКАДАНС (фр. *decadence* от лат. *decadentia* – упадок) – суммарное наименование явлений западной и русской культуры рубежа 19–20 вв., для которых свойственна мифологизация “конца века” (фр. *fin de siècle*) как эпохи глобального кризиса, переоценки ценностей, “расставаний и ожиданий”. В этом смысле Д. многозначен и, скорее, является символом глубинного сдвига культуры, переходности, нежели буквальным обозначением упадка и вырождения» [5, с. 203]. Текст наполнен эстетикой декаданса: пессимизм, мрачность, страдания, любовь, мистика, смерть, внимание к прекрасному, размывание границ между реальностью и иллюзией – все это можно обнаружить на его страницах.

Стоит отметить, что в романе «Дагерротип» прослеживаются черты готического романа. На мой взгляд, их наличие – одна из причин популярности многих произведений современной писательницы. В лучших традициях В. Короткевича (1930–1984) Л. Рублевская объединяет мотив родового проклятия и белорусскую мифологию. Симон с детства верит, что каждое полнолуние превращается в оборотня, что является наказанием за грехи семьи. Как и в «Дикой охоте короля Стаха» (1964) этому находится рациональное объяснение: дядя мужчины (брат матери), желая упрятать его в лечебницу, заполучить поместье и тем самым отомстить за судьбу своего рода, преданного Когонецкими, внушает племяннику уверенность в реальности ликантропии с помощью таинственного снадобья, которое герой считает лекарством. В образе Симона-оборотня соединяются западная и белорусская традиции. С одной стороны, превращения графа, как он предполагает, связаны с полнолунием и с потерей человечности, бешенством. С другой стороны, согласно славянской традиции, в большинстве случаев волколак является жертвой, страдающим и несчастным существом.

Особого внимания заслуживает образ болота в романе, связанный как с готическим компонентом, так и с нациогенезом. Болото, место обитания нечистой силы, и расположенное на нем родовое гнездо – разновидность мрачного и замкнутого топоса, эквивалент отрезанного от остального мира и наполненного историей замка, характерного для европейской традиции. Его описание способствует нагнетанию атмосферы: «Голькі поўня часам цьмяна свяцілася, як бяльмо, праз хмары. І пад гэтым хворым паглядам, падобным на пагляд са здымка пост-мортэ, варушылася ўнізе, як магільныя рабакі, чорнае голле дрэваў, і фыркалі коні, і выплывалі здані, звыродлівыя пародыі на жыццё... І апошняя ў вёсцы вядзьмарка, скурчаная і сцямнелая, як чарнакорань, дакладна ведала, што да наступнага маладзіка памрэ. Доўга і пакутліва. Бо ніхто не прыйдзе патрымаць яе за руку, каб пераняць згубную шатанскую сілу» [4, с. 163]. В то же время болото можно назвать одним из типичных литературных образов белорусской литературы, специфическим национальным топосом. Достаточно вспомнить повести

«Дрыгва» (1934) Я. Коласа (1882–1956), роман «Людзі на балоце» (1962) И. Мележа (1921–1976) или то же «Дзікае паляванне» В. Короткевича. Это и неудивительно, ведь Беларусь – в равной степени и страна озер, и край болот. В контексте романа Л. Рублевской этот образ можно рассматривать и как символ национального прошлого, белорусских корней, и как воплощение духовного разложения народа, смерти, в том числе аллегорической, органично вписывающийся в контекст декаданса.

Одной из композиционных особенностей романов авторки является взаимодействие двух и более временных пластов. М. Рак в статье «Жанравая стратэгія творчасці Людмілы Рублеўскай» по этому поводу пишет: «Варта адзначыць яшчэ і тое, што ў апавяданнях, аповесцях і раманах пісьменніцы, нават сама “гісторыя” і “сучаснасць” знаходзяцца ў надзвычай цікавых стасунках: так, вызначальнай рысай многіх аповесцей, міфаў мастацкая інтэрпрэтацыя гісторыі заўсёды/ амаль заўсёды пераплятаецца з сучаснасцю, выкарыстоўвае двусветаваць (а часам і шматсветаваць), як адзін з прынцыпаў арганізацыі тэкставай прасторы» [3, с. 191]. Примечательно, что в готическом романе, как правило, прошлое просачивается в настоящее (зачастую с помощью мотива тайны, семейной истории) и даже детерминирует будущее героев. В «Дагерротипе» присутствует третья часть – «Сокровенная книга», своеобразная исповедь отца Симона, Родослава Когонца, являющаяся, как отмечает в одном из интервью писательница, ключом к пониманию романа. Это третий временной пласт и одновременно связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. В данной книге нарратор не просто размышляет о прошлом. Его волнуют вопросы о том, что же унаследуют потомки и каким будет будущее белорусов. Так, проблематика романа выходит на уровень национальный и универсальный, социальный и философский.

Проблемно-тематическое поле романа «Дагерротип» довольно широкое. Как отмечается выше, Л. Рублевская в большинстве прозаических произведений так или иначе затрагивает темы исторического прошлого и памяти, неразрывно связанные с поиском национальной идентичности белорусов. Неслучайно действие разворачивается на рубеже XIX–XX веков, в последние годы существования Российской империи, в составе которой Беларусь была только одной из губерний. Неоднократно упоминается восстание 1863–1864 годов, значение которого сегодня трактуется историками неоднозначно, и его последствия. Территория Беларуси на протяжении многих веков не имела суверенитета: то отходила к тому или иному государству в результате завоеваний, то объединялась с другой территорией с целью защиты от внешних угроз, как это было в случае с созданием Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Эти факторы не могли не отразиться на специфике формирования национального самосознания. Она проявляется в понятии «тутэйшыя». Можно говорить о том, что в условиях полиэтнического общества, в

отличие от своих соседей, белорусы не идентифицировали себя как отдельная нация, а, скорее, ощущали свою причастность к определенной территории. Данная особенность находит отражение и в романе Л. Рублевской: «У кожным родзе, у кожным народзе закладзены ахоўны код: мова, вера, традыцыі, характар. – А дзе ж гэты код у тутэйшых? У беларусаў, як называюць жыхароў гэтай зямлі Калоцкі і Масевіч? – з горыччу спытала Багуслава. – Людзі мясцовыя нават не ведаюць, як сябе называць! Мая маці казала, што мы – палякі. Бацька – ведаю са слоў маці, якая яго абагаўляла – называў нас ліцвінамі. У пансіёне мне ўнушалі, што я руская. – І ўсё-ткі мы належым гэтай зямлі, – задумліва прагаварыў Каганецкі. – На нас – яе пячатка, яе блудных дзяцей, якія дораць свае здольнасці каму заўгодна, толькі не ёй» [4, с. 203]. Автор показывает, что, к сожалению, национальный нигилизм передался и многим потомкам тех, кто жил во времена Богуславы и Симона. Зачастую люди склонны отрешиваться от того, что Я. Колас назвал «родны кут». Примечателен эпизод, в котором девушка Гальяша просит его привезти в США сувениров «из Беларуси». Для таких молодых людей национальная идентичность сводится к продукции в духе Советского Союза.

У вынужденного исторического сосуществования с различными нациями есть положительные стороны. К ним я отношу сегодняшнюю мультикультурную ситуацию в Беларуси. Известно, что для нашей культуры характерен синтез как западных, как и восточных элементов. Наша территория отличается разнообразием представленных на ней этнических и религиозных групп: «Тут было скрыжаванне культур, кожнае мястэчка – гэта царква, касцёл, сінагога, мячэць ды яшчэ і кальвінісцкі збор... Тут змешваліся розная кроў і розная вера, сустракаліся візантыйская дэспатыя і еўрапейскае вальнадумства...» [4, с. 204]. По мнению Л. Рублевской, белорусам нельзя отказываться от своего культурного наследия, нужно его принимать и гордиться им.

В романе «Дагерротип» поднимается вопрос, волнующий всех современных филологов. Симка, как и писательница, ратует за возрождение белорусского языка. Отказ от главной составляющей национальной идентичности она видит в страхе, который не одно столетие внушался белорусскому народу. Сейчас, в XXI веке, непросто вернуться к корням в силу различных причин, будь то воспитание, вопрос престижа и т. д. Необходимо понимать, что «знікненне цэлай мовы, вялізнай жывой стыхіі» [4, с. 47] – настоящая трагедия для любой нации. Необходимо обеспечить будущее белорусскому языку и культуре в целом. Автор романа вырисовывает и белорусский национальный характер, в основе которого – толерантность, адаптационный потенциал, выносливость, терпимость к различного рода лишениям, замкнутость, скрытность, неуверенность, скромность: «Магчыма, у гэтым, у трывушчасці, у здольнасці прыстасавацца, выжыць, прытаіўшы сапраўдную сваю сутнасць, і ёсць

наша асаблівасць, наш крыж, таўро, выпаленае на нас сотнямі войнаў, мільёнамі пакутаў?» [4, с. 204]. Риторический вопрос дает читателям возможность создать собственный собирательный образ белоруса.

Более того, в романе Л. Рублевская акцентирует внимание на недопустимости пренебрежительного отношения к историко-культурным ценностям, осуждает стремление к их разрушению, повсеместной модернизации и «обезличиванию» городов. Она рассуждает о различиях в положении города и деревни, их роли в сохранении исторического прошлого. Помимо этого, важно отметить, что с помощью образа Богуславы писательница вводит феминистские мотивы и обращается к вопросу о женской сексуальности. Будучи филологом, авторка не может обойти стороной падение уровня культуры в современном обществе, в том числе владением литературными кодами. Л. Рублевская насыщает «Дагерротип» многочисленными аллюзиями, превращая его в интертекст: присутствуют отсылки к поэме Гомера «Одиссея», средневековому германскому эпосу «Песнь о Нибелунгах», пьесе П. Кальдерона «Жизнь есть сон» (*La vida es sueño*, 1635), поэме Дж. Байрона «Шильонский узник» (*The Prisoner of Chillon*, 1816). Романы О. де Бальзака (1799–1850), Г. Флобера (1821–1880), Ф. Достоевского (1821–1881), Э. Золя (1840–1902) и Ги де Мопассана (1850–1893) упоминаются в числе произведений, которые наставник и опекун Богуславы Нихель предлагает ей в качестве так называемых романов воспитания в подростковый период. Наиболее частотными являются отсылки к трагедиям У. Шекспира (1564–1616), творчество которого считается одним из краеугольных камней западного литературного канона: 1) «Ледзі Макбеты, Атэлы, Ягі, Гамлеты местачковага разліву...» [4, с. 146]; 2) «Каганецкі як не чуў насмешак, а ўзяўся нервова і пільна разглядаць уласныя рукі, быццам думаў убачыць на іх, як ледзі Макбет, чыюсьці бязвінную кроў» [4, с. 165]; 3) «Госць пад'ехаў на двуколцы, запрэжанай сытай рудой кабылай. І нічогенька ў ім не нагадвала ні Яга, ні Макбета» [4, с. 177]; 4) «Крывавага фіналу ў гэтай амаль класічнай трагедыі не будзе. Вядома, Шэкспір ці Сыракомля перапісалі б усё па-свойму, але далучаць паліцыю было апошнім, на што б кожны з прысутных пагадзіўся» [4, с. 229].

Таким образом, роман современной белорусской писательницы Л. Рублевской «Дагерротип» является продолжением национальной литературной традиции (прежде всего, заметно влияние прозы В. Короткевича), в то же время органично вписываясь в рамки мирового литературного процесса. В романе присутствуют черты исторического, социально-философского и готического романов, элементы литературы young adult, объединенные авторским определением «декадансны раман», что позволяет говорить о жанровом синтезе как об одной из особенностей творчества Л. Рублевской. Среди центральных проблемно-тематических полей, затрагиваемых в произведении, можно выделить следующие:

1) белорусское национальное прошлое и его связь с настоящим; 2) положение белорусского языка в исторической перспективе и в современном обществе; 3) специфика формирования национальной идентичности и национального характера белорусов. Кроме того, писательница затрагивает вопросы сохранения историко-культурных ценностей и касается темы женской идентичности и сексуальности. Роман «Дагерротип» пронизан отсылками к мировому литературному канону, в частности аллюзиями на трагедии У. Шекспира.

Библиографические ссылки

1. *Гоўзіч, І. М.* Жанравая стратэгія творчасці Людмілы Рублеўскай / І. М. Гоўзіч, М. С. Рак // Труды БГТУ. – 2016. – № 5. – С. 190 – 194.
2. *Олейник, Л. В.* Художественная литература как фактор инкультурации / Л. В. Олейник // София. – 2018. – № 1. – С. 133 – 139.
3. *Рак, М. С.* Жанрава-тэматычны дыяпазон прозы Людмілы Рублеўскай : традыцыі і наватарства / М. С. Рак // Весці БДПУ. – Серыя 1. – 2019. – № 1. – С. 118 – 123.
4. *Рублеўская, Л.* Дагератып : дэкадансны раман / Л. Рублеўская. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017. – 246 с.
5. *Толмачев, В. М.* Декаданс / В. М. Толмачев // Литературная энциклопедия / А. Н. Николукин [и др.]; РАН, Ин-т научн. инф-и по общ. наукам; под общ. ред. А. Н. Николукина. – Москва : НПК Интелвак, 2001. – С. 203 – 209.